К столетию Мишеля Фуко. История «гувернаментальностей» в России: от Иосифа Волоцкого до «развитого социализма»

Дискуссия «НЗ». Часть II[1]

Игорь Кобылин: Уважаемые коллеги, обсудив гувернаментальность по-русски, я предлагаю перейти к гувернаментальности по-советски — и шире — к проблеме социалистической гувернаментальности. Фуко здесь вновь нам не слишком большой помощник: в курсе «Рождение биополитики», который посвящен не столько биополитике, сколько разновидностям либерализма и его гувернаментальных техник, он фактически отказывает социализму в управленческой рациональности. Фуко говорит об этом так — позвольте, я процитирую:

> «Я же скажу лишь, чего не хватает социализму, так это не столько теории государства, сколько гувернаментального мышления (*raison gouvernemental*) […]. Историческая, экономическая,

1 Начало дискуссии см. в предыдущем номере «НЗ» (2026. № 3(167). С. 65–83). — *Примеч. ред.*

административная рациональность — все эти рациональности отличают социализм; во всяком случае проблема эта спорная и устранить единым жестом все эти формы рациональности невозможно. Однако я полагаю, что никакой самостоятельной социалистической гувернаментальности (*gouvernementalité socialiste*) не существует. Не существует гувернаментальной рациональности социализма (*rationalité gouvernementale du socialisme*)»[2].

Далее Фуко поясняет, что социализм подключается к уже сложившимся типам гувернаментальности — либеральному или полицейско-административному. Выработать собственную гувернаментальную стратегию ему мешает постоянная озабоченность верностью доктринальным текстам основоположников — насколько истинен тот социализм, который у нас получился? Насколько он соответствует теоретическим построениям Маркса или Ленина? Эта невротическая зацикленность парализует собственную гувернаментальную рефлексию.

Отсюда следует целая серия вопросов: возможна ли все-таки социалистическая гувернаментальность и если возможна, то была ли она (или какие-то ее элементы) в СССР? Если нет, то обладала ли гибридная (то есть определяемая системой «подключений») советская гувернаментальность нередуцируемой спецификой? Ведь даже если вслед за Фуко представить ее в качестве композита, то получившееся целое должно обладать рядом новых свойств, несводимых к свойствам составных частей.

Я хотел бы предоставить слово Игорю Стасю как специалисту по советской ведомственности — этому важнейшему фактору всей системы управления в СССР. Тем более, насколько я понял, вы положительно отвечаете на вопрос о возможности социалистической гувернаментальности.

Игорь Игоревич Кобылин (р. 1973) — философ, историк культуры, доцент исследовательского центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Игорь Николаевич Стась (р. 1989) — историк, урбанист, старший научный сотрудник Центра урбанистики Тюменского государственного университета, руководитель магистратуры «Концептуальная урбанистика».

Игорь Стась: Спасибо большое. Я не слишком уверен в полностью положительном ответе. В книге о советской ведомственности, где оптика гувернаментальности применялась мною наиболее полно, я скорее соглашался с Фуко. Но последние дискуссии — вокруг этой книги и не только — отчасти изменили мои взгляды на гувернаментальность в СССР, и сегодня какие-то отдельные сюжеты я описал бы по-другому.

Что можно принять за точку отсчета в рассуждениях о социалистической гувернаментальности? У Фуко, как уже сказал Игорь, есть только небольшой экскурс в эту область в курсе лекций «Рождение биополитики», и речь там идет не только об озабоченности социализма своим соответствием доктринальным

2 Фуко М. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб.: Наука, 2010. С. 119–120. Перевод изменен. — *Примеч. ред.*

текстам и догматам — важно, что сами эти тексты вводили ограничения или предоставляли определенные возможности социалистическим управленцам. Больше у Фуко на эту тему практически ничего нет, так что, двигаясь дальше, мы вступаем в область сплошных догадок и интерпретаций. Я думаю, что тезис Фуко применительно к СССР можно истолковать так: советское общество — это общество тотальной текстуальности, порожденной административными институтами и административными отношениями. В СССР гувернаментализация государства (воспроизводящаяся через государственные интересы) сращивалась с бюрократизацией — отсюда и тотальная текстуальность, и господство административной рациональности, мешающие появлению социалистической гувернаментальности. Но стоит напомнить, что Фуко не закрыл окончательно вопрос о возможности существования последней — он отмечал, что нам еще только предстоит выяснить, с какими типами гувернаментальных практик связан социализм[3]. И этот открытый вопрос дает нам хороший повод поискать разные гувернаментальности в СССР — в том числе и социалистические.

В СССР гувернаментализация государства сращивалась с бюрократизацией — отсюда и тотальная текстуальность, и господство административной рациональности, мешающие появлению социалистической гувернаментальности.

Тем более, как уже отмечалось выше, Фуко говорит о подключениях социализма к уже исторически реализовавшимся гувернаментальным режимам — полицейскому и либеральному. Кроме того, он ставит вопрос о суверенитете в СССР, и мне кажется, что это особенно важно в контексте проблемы соотношения суверенитета и пастырской власти. Что касается подключения к либеральным техникам управления, то оно неплохо изучено. Если мы посмотрим на довольно обширную библиографию вопроса, то обнаружим, что практически все работы, в нее входящие, написаны в духе первой волны *governmentality studies* — а там гувернаментальность

3 Ср.: «Давайте поставим более общий вопрос, в большей степени обращенный к будущему, который звучит так: какой могла бы быть адекватная социализму гувернаментальность? Существует ли адекватная социализму гувернаментальность? Какая гувернаментальность может быть гувернаментальностью строго, внутренне, самостоятельно социалистической? Во всяком случае давайте иметь в виду лишь то, что если и существует подлинно социалистическая гувернаментальность, то она не скрывается внутри социализма и его текстов. Ее нельзя вывести из социализма. Ее нужно изобрести» (Там же. С. 121–122. Перевод изменен. — *Примеч. ред.*).

понималась преимущественно в качестве либерально-экономической технологии. Отсюда исследования советской кибернетики, методологов, госсобственности, журналистики, предпринимательства, городского хозяйства — последним занимался, например, антрополог Стивен Колье[4]. Все эти исследования исходят из либерализации практик управления в позднесоветскую эпоху, и такая либерализация и рассматривается в качестве гувернаментальной.

Но сегодня мы уже не можем ограничивать гувернаментальность вообще — и в СССР в частности — либеральной составляющей. Соответственно, нужно менять и исследовательскую оптику. Необходимо вновь и всерьез задаться вопросом о социалистической гувернаментальности и каких-то ее формах в системе советского (у)правления. Какие практики (у)правления, кроме партийных, существовали в СССР, как (и кем) они осмыслялись и рационализировались? Здесь требуется ввести существенное уточнение: можно ли обнаружить какие-то попытки воспроизводства этих практик в реальности, а не только на уровне инструктивных идеологических текстов? Ряд ученых дают положительные ответы на подобные вопросы. Например Доминик Кола в статье «Фуко и Советский Союз» писал, что с точки зрения Фуко отношения власти в СССР принципиально не отличались от аналогичных отношений в капиталистических странах[5]. Сергей Прозоров, изучавший биополитику в эпоху сталинизма, полагает, что Фуко ошибался и социалистическая гувернаментальность в СССР была[6]. По его мнению, ее следует искать в моделях и практиках производства нового человека, в процессах превращения социалистических идей в реальную форму жизни. Стоит еще упомянуть работу хорватских политических исследователей Даниелы Доленец и Мислава Житко[7]. Они рассматривают югославский эксперимент по социалистическому самоуправлению именно как вариант социалистической гувернаментальности. В СССР же,

4 См.: Collier S. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton: Princeton University Press, 2011.

5 Ср.: «История Советского Союза показала, что трансформация производственных отношений и политических институтов не повлекла за собой никаких изменений в “микроотношениях власти” в семье и на советском заводе; эти отношения не отличаются от аналогичных отношений в странах, называемых капиталистическими» (Кола Д. *Фуко и Советский Союз* / Перев. с фр. В. Каплуна // *Мишель Фуко и Россия: сборник статей* / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербург; Летний сад, 2001. С. 226–227). Речь, вероятно, идет о недопустимости экзотизации советского опыта, характерной для старой — «тоталитарной» — советологии. Вместе с тем Кола подчеркивает, что Фуко всегда призывал к осторожности: анализируя власть в СССР, — как и во всех модерных государствах одновременно тотализирующую и индивидуализирующую, — важно не растворить специфику ее конкретно-исторической констелляции в общемодерных паттернах. — *Примеч. ред*.

6 См.: Prozorov S. *The Biopolitics of Stalinism. Ideology and Life in Soviet Socialism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

7 Dolenec D., Žitko M. *Exploring Commons Theory for Principles of a Socialist Governmentality* // Review of Radical Political Economics. 2015. Vol. 48. № 1. P. 1–15.

с их точки зрения, этатизм и господство бюрократии не позволили ей состояться.

Во время работы над «Советской ведомственностью» я скорее солидаризировался со скепсисом Фуко, но в ходе одной из дискуссий после выхода книги антрополог Николай Ссорин-Чайков предложил мне рассматривать ведомственность как советский вариант гувернаментальности. Олег Хархордин в недавней статье о гувернаментальности по-русски обратил наше внимание на те понятия и термины в русском языке, по которым мы можем проследить, как менялись практики (у)правления в России и как изменялись их смысловые контексты[8]. Для меня такими понятиями были «ведомство» и «ведомственность», которые я описывал через отношения власти и знания. Однако я сильно сомневаюсь, что о ведомственности мы можем говорить как о форме социалистической гувернаментальности. Ведомственность всегда шла рука об руку с рациональностью государства и бюрократического аппарата — ни о какой независимой от государственной бюрократии социалистической рациональности говорить не приходится. Другое дело, что я смотрел скорее на дискурс *о* ведомственности, а не на саму ведомственную риторику, исходившую от различных министерств, заводов, главных управлений, промышленных предприятий и так далее. Вот они вполне были способны осмыслять свою деятельность как социалистическую. И это перспективное поле для дальнейших исследований социалистической гувернаментальности в СССР.

Однако в поисках социалистической гувернаментальности нужно не воспроизводить советские пропагандистские штампы, а обратить внимание на реальные эксперименты в области социальной организации и управления. Так, например, историк Михаил Пискунов пишет об эксперименте по созданию «трудового коллектива», первоначально появившегося в дискурсе в качестве понятия, а затем реализовавшегося на практике[9]. На страницах журнала «Ab Imperio» историки Константин Гудков и Александр Дуднев предлагают посмотреть на иные социалистические альтернативы ведомственности[10]. В частности, они говорят о «муниципальности» и о возрастающей роли горсоветов как субъектов социалистического управления; а также о «кооперативности», акцентируя внимание на жилищных кооперативах 1920–1930-х. Я бы еще добавил такие

8 Хархордин О. *Gouvernementalité по-русски* // Philosophy Journal of the Higher School of Economics. 2026. Vol. 10. № 1. С. 13–69.

9 Пискунов М. *Глава 4. Культура производства коллективов и советский завод на рабочем месте* // *Советская ведомственность* / Под ред. И.Н. Стася. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 218–249.

10 Гудков К., Дуднев А. *В поисках «соцгорода здорового человека» и альтернатив ведомственности* // Ab Imperio. 2025. № 4. С. 119–135.

более поздние формы, как МЖК — молодежные жилые кооперативы, — и кооперативную неформальную практику, которая в советской пропаганде получила название «метод горьковчан» или «метод народной стройки». Но осмысливались ли эти практики как социалистические и были ли они таковыми по сути? Это еще только предстоит выяснить. Кроме того, Гудков и Дуднев пишут о «сообщественности», отмечая, что в СССР все-таки существовали деятельные сообщества, стремившиеся к социализму. Историки приводят в пример Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и Общество современных архитекторов. Но для меня это не столько социалистические альтернативы ведомственности, сколько социалистические альтернативы модерности, варианты переплетенных или гибридных модерностей, о которых говорил социолог Йоран Терборн.

Социалистическую гувернаментальность мы должны искать не только за пределами официального и авторитетного партийного дискурса, но также и в нем самом. Ее, как мне кажется, можно увидеть во многих советских инициативах, которые формулировали новые подходы к социализму. В частности, архитекторы из движения «Новый элемент расселения», о которых писала историк архитектуры Дарья Бочарникова[11], осмысляли и создавали образ нового социалистического и коммунистического общества — но мог ли этот проект воплотиться в жизнь? Примечательны недавние работы антрополога Сергея Алымова о советских социальных философах и социологах — Юрие Леваде, Мерабе Мамардашвили, Александре Зиновьеве и других, предлагавших новые теории марксистского гуманизма и социалистической личности в СССР[12]. Я бы отнес сюда и большие дискуссии по поводу социалистической урбанизации и развития агломераций в СССР. Но здесь историкам еще предстоит разобраться. Не стоит забывать и о движении методологов. Правда, исследователям нужно будет выяснить, насколько их «мыследеятельность» или просто деятельность понималась самими методологами как социалистическая. Еще мы должны помирить и совместить социалистическую современность и историзм. Фуко упоминал, что у социализма есть исторический тип рациональности. Последняя моя статья о модернистской ретротопии — это в том числе попытка выяснить,

11 Бочарникова Д. *Место личности в коммунистическом обществе: разработки группы НЭР на излете политической оттепели // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985)* / Под ред. А. Пинского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 283–312.

12 См., например: Алымов С. *Интеллектуалы застоя: между официальным коллективизмом и выстраданной элитарностью // Это было навсегда* / Под ред. Т. Карповой, К. Светлякова. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2020. С. 18–23. Он же. *О личностях и элементалах: позднесоветская социальная философия от марксистского гуманизма к идее Homo sovieticus* // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 11–52.

как социалистическая модерность и историзм совмещались на практике[13].

В завершение я хочу сказать о советском городе как еще одном локусе, где можно найти социалистическую гувернаментальность. В своих исследованиях я часто использую понятие «городской дискурс», с помощью которого показываю, каким образом в СССР воспроизводилась риторика различных общественных и властных элит о развитии городов, о подлинно социалистическом городе, о настоящих горожанах и гражданах. В контексте этого дискурса город в СССР позиционировался как общее благо и общее достояние. Также и упомянутые мной хорватские исследователи Даниела Доленец и Мислав Житко связывали социалистическую гувернаментальность с *commons theory*, то есть с теорией общественного достояния. В этом смысле поиски социалистической гувернаментальности приводят к концептуализации социалистического города — не только его физических и социальных атрибутов, но и городских практик (у)правления и их рационализации. Социалистический город требовал социалистической практики управления. При этом проблематика общего достояния отсылает нас к дискуссии между Олегом Хархординым и историком Константином Бугровым о том, существовал ли реальный республиканизм в СССР. Можно ли интерпретировать советскую форму республики как пространство общего дела? Я усматриваю в этой дискуссии о республиканизме в СССР интеллектуальный потенциал для лучшего понимания устройства советского общества и дальнейших поисков социалистической гувернаментальности.

Олег Валерьевич Хархордин (р. 1964) — профессор политической теории, директор исследовательского центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Олег Хархордин: Когда мы обсуждали формат этого разговора и Игорь Кобылин упомянул вашу книгу, я вспомнил один курьезный факт. Я приехал в аспирантуру в Москву в 1987 году. И в Институте экономики АН СССР при академике Абалкине была сформирована группа по борьбе с ведомственностью и местничеством, которые рассматривались в качестве главных врагов нормально функционирующей плановой системы. Перестройка тогда еще не развернулась как следует, все работали в старой парадигме. Поэтому кажется, что Фуко отчасти прав: социалистической гувернаментальности действительно не было. Он пишет о гувернаментальности партии, но раз с ведомственностью и местничеством боролись как с издержками социалистической системы, то это означает, что партия не справлялась со своей гувернаментальной функцией. Были еще два вида распространяющихся практик — как местных партийных

13 Стась И. *Модернистская ретротопия: городская власть, архитекторы, краеведы, проект историко-этнографической зоны и разрушение Старого Сургута (конец 1960-х — 1990-е)* // Антропологический форум. 2026. № 68. С. 147–192.

и государственных органов, так и министерских — которые восполняли то, что центральные партийные органы делать не могли или не хотели. Восполняли, так сказать, оставленные партией гувернаментальные лакуны. Вопрос в том, действительно ли эти практики являются элементами особой социалистической гувернаментальности, как вы говорите, или это обычная попытка справиться с циркулирующим населением?

Раз с ведомственностью и местничеством боролись как с издержками социалистической системы, то это означает, что партия не справлялась со своей гувернаментальной функцией.

Ответом для меня было бы прояснение двух вопросов. Первое — это исследование техники безопасности, производственного травматизма и методов борьбы с ним. Слово «безопасность» для Фуко центральное — этим стоит заняться. Все интересуются межстрановой безопасностью, военной безопасностью, но и техника безопасности — чрезвычайно важная вещь: ведь если это была министерская задача, то явно люди понимали, что с массовым производственным травматизмом нужно что-то делать. Второе — это циркуляция населения, текучка кадров: не менее важная задача для министерства, которое теряет кадры на каком-то предприятии, поскольку люди переезжают в другую область, где больше платят, например. Но тогда вряд ли это можно квалифицировать в качестве социалистической гувернаментальности, скорее это попытка решить через профильное учреждение проблему мобильности населения и того, что называлось административными рынками в позднесоветскую эпоху.

Сталкивались ли вы с этими вопросами и если сталкивались, то как на них отвечаете?

И.С.: Спасибо большое, это хороший вопрос. Сейчас я скорее согласен с вашей интерпретацией. В книге ведомственность описывалась не как отдельная форма гувернаментальности, а скорее как часть гувернаментализированного государства, как паллиатив, как некое временное решение. Именно это я нахожу в источниках, которые отражают то, что я назвал дискурсом *о* ведомственности.

Но здесь есть проблема. Дело в том, что, когда я говорю: «ведомственность не является гувернаментальностью, не является социалистической практикой, или советской исконной практикой (у)правления», я опираюсь на тексты критиков

ведомственности, авторов, которых условно можно назвать «государственниками». Однако среди них нет директоров предприятий, например, или агентов, которых они нанимали, — это могли быть писатели или даже философы. Стоит внимательно изучить то, что они говорят — эту реальную ведомственную риторику. Может быть, мы увидим там действительно нечто социалистическое — в этих заботах о технике безопасности или о предотвращении утечки кадров. Но, поскольку я не изучал ведомственных текстов подробно, я не могу дать ответ на поставленный вами вопрос. Это перспектива для будущих исследований. И в этом направлении движутся уже упоминавшийся мной Михаил Пискунов с работой о понятии «трудового коллектива» и Константин Бугров и его ученики, занимающиеся производственной историей СССР.

И.К.: Спасибо. Две короткие реплики по поводу сказанного. Первая: я интересуюсь не столько практиками позднесоветского управления, сколько разного рода управленческими теориями и предложениями — в диапазоне от академика Виктора Глушкова до академика Николая Амосова, и мне тоже часто приходится читать у почтенных советских академиков жалобы на ведомственный партикуляризм, мешающий немедленной и повсеместной реализации предлагаемой ими управленческой реформы.

Александр Александрович Писарев (р. 1988) — исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Вторая реплика по поводу гувернаментального измерения советского историзма, о котором коротко упомянул Игорь Стась. Мне кажется, что историческая рациональность социализма, о которой говорил Фуко в «Рождении биополитики», есть одновременно и управленческая или гувернаментальная рациональность. История тут понимается как своего рода «улаживающе-слаживающая» машина, если воспользоваться словами Хайдеггера, сказанными им, правда, по другому поводу. Она и сама управляет, и становится управляемой по мере постижения революционным субъектом диалектических законов исторического развития. Я немного писал об этом[14], но надеюсь, в каком-то обозримом будущем заняться этим более предметно.

Александр Писарев: У меня два вопроса. Первый во многом совпадает с вопросом Олега Хархордина: по какому критерию мы объединяем разные практики под общим титулом советской, социалистической или коммунистической гувернаментальности? И не заводит ли нас употребление термина «гувернаментальность» в ложный холизм: возникает иллюзия, что есть цельные

14 Кобылин И. *История в чрезвычайном положении: эссе о современном историческом сознании и практиках историописания*. М.: Новое литературное обозрение, 2025.

и относительно замкнутые миры или режимы управления, которые более-менее однородны. Но ведь это именно то представление о политическом, которого Фуко стремился избежать. Гувернаментальность как исторически и произвольно складывающийся ансамбль техник и рациональностей разнородна, поскольку эти техники и рациональности могут переноситься из одного ансамбля в другой или изобретаться внутри. В чем-то гувернаментальность похожа на генотип, в составе которого в ходе эволюции накапливаются участки, унаследованные от предшествующих биологических видов (суверенной и дисциплинарной властей) и полученные горизонтальным переносом от соседствующих видов.

Гувернаментальность как исторически и произвольно складывающийся ансамбль техник и рациональностей разнородна, поскольку эти техники и рациональности могут переноситься из одного ансамбля в другой или изобретаться внутри.

Митчелл Дин подчеркивает эту гетерогенность в своей обзорной книге[15] и, например, много внимания уделяет обсуждению элементов либерального управления в авторитарной власти нацистской Германии и, наоборот, авторитарных, нелиберальных элементов в странах либеральной гувернаментальности. Или ближе к советскому случаю: говоря о позднесоветской гувернаментальности, Александр Бикбов отталкивается от ее разнородности: с конца 1950-х в разных сферах она обнаруживает значимые техники производства и мышления субъектов не как послушных, а как свободных. Да и в целом международный перенос либеральных техник и рациональностей, отмечает он, характерен для многих послевоенных гувернаментальностей[16]. Словом, анализировать ту или иную гувернаментальность значит анализировать ее разнородность, не производя холизмы.

Второй вопрос в большей степени нацелен на прояснение подхода к исследованию гувернаментальности. Уже несколько раз было сказано, что его предметность задается формулой «ведение поведения», или «руководство поведением». Это можно понимать как формирование набора или поля возможностей и ограничений поведения, мышления, чувствования индивидов

15 Дин М. *Правительность: власть и правление в современных обществах* / Перев. с англ. А.А. Писарева; науч. ред. С.М. Гавриленко. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 325–360.

16 Бикбов А. *За порогом новой эры правления* // Дин М. *Указ. соч*. С. 7–32.

в качестве субъектов. Мы постоянно говорим об анализе нормативных документов, которые задают определенные формы управления и субъективации. И здесь, вероятно, имеет смысл различать претензию формировать эти поля возможностей и то, что получается в реальности, в которой пересекаются разнородные процессы, воли и интересы. В тех рамках, которые очерчиваются нормативными документами, возможны разные формы поведения и контрповедения.

Можно вспомнить в качестве своеобразного исторического свидетельства ранние романы Александра Зиновьева[17]. Не зная ничего о Фуко и его идее управления, он схожим образом описывал советскую действительность, почти не затрагивая государство, но зато подробно останавливаясь на практиках формирования субъектов в этой действительности, на анализе способов ведения и исправления их поведения[18]. К примеру, один из таких способов можно назвать делегированным замалчиванием, при котором индивид, особым образом помеченный властью, подвергается цензурированию и ограничениям другими индивидами без усилий со стороны власти. Его аналог есть и сегодня: в случае со статусом иноагента государство не говорит напрямую, что его носителя нельзя цитировать, — оно говорит, что, цитируя, нужно ставить плашку. Но дальше вступает в силу сформированная самой нашей действительностью, как выразился бы Зиновьев, логика самоцензуры. Она не прописана в нормативных документах, но от того не менее действенна.

Нет ли риска, что, глядя на гувернаментальность «сверху», со стороны текстов и нормативностей, мы упускаем такие практики из виду, ведь они фиксируются скорее свидетельствами «снизу»?

И.С.: Александр, большое спасибо за вопросы. Они представляются мне очень важными. Сначала об объединяющем титуле. Говоря о социалистической гувернаментальности, важно понимать, что подразумевается под словом «социалистическая». С моей точки зрения, социализм означает способность самостоятельно организовывать какое-то устойчивое управление ресурсами за пределами государства или рынка. Социализм не равен ни государственной собственности, ни этатизму. Он включает различные формы самоуправления, ни одна из которых не воспроизводят классового контроля и классовой структуры вообще. Это такая полицентричная система, где есть сообщества, кооперативы, муниципалитеты и иные — не только управленческие, но и моральные — институты. Давайте

17 Прежде всего см.: Зиновьев А. *Зияющие высоты*. Lausanne: L'Age d'Homme, 1976.

18 Писарев А. *Не только советское: «Зияющие высоты» Александра Зиновьева в оптике исследований правительности* // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 53–90.

вспомним тезис Виктора Каплуна о гувернаментализации государства как об инсталляции моральных практик направления поведения. Были ли они в СССР? Это и есть исследовательская проблема. Если мы однозначно говорим, что этого не было, то меня этот ответ не устраивает. Советское государство было устроено более сложно и требует соответствующего взгляда. Конечно, существовал и колпак партийного контроля, но, кроме него, было и что-то еще — и это «что-то» требует внимания и изучения.

И здесь актуален второй вопрос. Да, изучая СССР, мы, к сожалению, становимся заложниками источников — в первую очередь текстуальных. Однако в не меньшей степени мы заложники и стереотипов об СССР. Когда я учился в университете, мне все время говорили: «Не читайте советских газет». Считалось, что советские газеты — это последний источник, на который нужно обращать внимание. Когда я закончил диссертацию (а там и правда газеты мною почти не использовались), я начал перечитывать советскую прессу и понял, что игнорировать ее было большой ошибкой. Сейчас, читая самые разные газеты — федеральные, региональные, городские и даже газеты каких-то предприятий, — я понимаю, насколько сложным и многоуровневым был публичный дискурс в Советском Союзе. Как дискурсивное поле возможностей он где-то был шире, а где-то сужался. Ближе к центру, ближе к власти, к Москве это дискурсивное горлышко было, видимо, более узким, а в регионах более широким. И благодаря этому неоднородному полю исследователи способны увидеть реальные практики, о которых, Александр, вы говорите, поскольку так или иначе, но они все-таки попадали в публичный дискурс. Параллельно нужно смотреть другие источники, менее идеологически нагруженные: воспоминания, устную историю, какие-то видеосюжеты, художественную литературу, наконец. И если сравнивать, сопоставлять их, то шанс поймать и объемно описать реальные практики существенно возрастает. Мы все равно остаемся в ловушке текстуальных источников, однако на них не следует смотреть стереотипно.

И.К.: Спасибо. По поводу советских газет: на эту тему есть замечательное исследование американского антрополога Натальи Рудаковой «Утраченная правда: этика и пресса в России эпохи постправды», я когда-то писал на него рецензию[19]. На примере горьковской газеты «Ленинская смена» (региональный аналог «Комсомольской правды») она показывает социальные функции

19 Roudakova N. *Losing Pravda: Ethics and the Press in Post-Truth Russia*. New York: Cambridge University Press, 2017; рецензия: Кобылин И. *«Правда», «Время» и кибернетика: непростая история позднесоветских медиа* // Новое литературное обозрение. 2019. № 4(158).

советской журналистики. Поскольку реальных политических механизмов — электоральных например — влияния советских граждан на решения партии и правительства не было, газеты и журналы играли роль каналов связи между властью и народом. Угроза «написать в газету» была довольна действенной: граждане активно сигнализировали о всякого рода бюрократических или хозяйственных злоупотреблениях, и журналисты были обязаны реагировать. Существовали четкие внутренние регламенты: в какой срок каким категориям граждан газета должна была ответить. На письма военнослужащих, кажется, нужно было реагировать быстрее. Журналисты иногда выполняли функции социальных работников: помогали людям решить какой-то вопрос, даже не планируя писать об этом случае статью. Рудакова не оспаривает пропагандистского характера советской печати, но убедительно демонстрирует, что это не исключало стремления многих журналистов искать истину, справедливость и даже стать настоящими «парресиастами» — она ссылается в книге на работы Фуко о парресии. А совсем недавно греческий философ Панайотис Сотирис попытался представить парресию как вариант подлинно коммунистической гувернаментальности[20].

Виктор Львович Каплун — философ, доцент исследовательского центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге, руководитель магистерской программы «Современная политическая теория: язык, знание, власть, современность» ЕУСПб, переводчик работ Фуко.

Виктор Каплун: Игорь Стась упомянул гувернаментализацию государства, и я хотел бы сказать несколько слов об этом. Только, если позволите, я отвлекусь от советского контекста.

Фуко, как мне кажется, полагает, что дело не только в способах рационализации дискурсивных практик управления. Он все-таки не отделяет эту рационализацию, то есть дискурс о практиках, от самих практик. Говоря схематично, вместе эти дискурсы и практики складываются в то, что можно было бы назвать формой опыта, свойственной субъектам данной культуры. И эта форма опыта в определенном смысле и есть реальность того мира, в котором эти люди живут, мира в феноменологическом смысле слова. Практики и их рационализация воспринимаются субъектами как аспекты реальности, данные в опыте. Поэтому не стоит, наверное, отрывать рационализацию, которую мы находим в разного рода текстах, как теоретических, так и, скажем, прескриптивных (различная морально-дидактическая и педагогическая литература), от реальных практик управления — это единый комплекс.

Под гувернаментализацией государства Фуко имеет в виду, что эти комплексы — связанные между собой способы мыслить, рационализировать и действовать практически — как бы

20 См.: Sotiris P. *Is a Communist Governmentality Possible? Parrhēsia, Care of the Self, and the Possibility of Another Life* // South Atlantic Quarterly. 2022. Vol. 121. № 4. P. 815–831.

воплощаются, оплотняются в государственных институтах. Посредством определенного типа мышления одни группы, стремящиеся управлять индивидами или другими группами, отсылая к некоей мистической сущности под названием государство, это управление и осуществляют. То есть гувернаментализация государства происходит тогда, когда государство, или точнее, те группы, которые говорят от имени этого мифического Левиафана, начинает интересоваться моральным обликом людей, их душами, их представлениями о самих себе, чтобы эффективнее ими управлять. Такая гувернаментализация означает, что в государство как централизованную иерархическую бюрократическую структуру, возникшую примерно в XVII веке, начинают встраиваться техники управления моральным обликом индивидов, их душами, их пониманием самих себя — техники и практики, которые являются *до*государственными, *пред*государственными, *вне*государственными. Техники, присутствовавшие например в патриархальной семье, в приютах для бездомных или больных — или безумных, которые в эпоху раннего Нового времени еще не были медикализированы и больными не считались. И так далее. Именно это Фуко имеет в виду, когда говорит о гувернаментализации.

Гувернаментализация государства происходит тогда, когда государство начинает интересоваться моральным обликом людей, их душами, их представлениями о самих себе, чтобы эффективнее ими управлять.

Галина привела прекрасный пример с Карамзиным[21], который в 1800-е критикует среди прочего и реформы Сперанского. Эти реформы были направлены на укрепление бюрократического государства, строившегося Петром и затем Екатериной II на основе *Polizeiwissenschaft* — по рецептам, взятым из немецких и в меньшей степени французских камералистских текстов. А Карамзин воспитан в другой культуре, аристократической, где в соответствии с античными примерами культивируется своего рода «забота о себе»: индивид, если говорить предельно схематично об этосе образованного дворянства этой эпохи, должен управлять собой на основе неких представлений о личностном совершенстве.

21 «[…] “Общее учреждение министерств” и критика его Карамзиным за то, что вместо настоящих государственных дел теперь все внимание достается мелочам канцелярским — сколько бумаг в день следует изготавливать» (Неприкосновенный запас. 2026. № 3(167). С. 82). — *Примеч. ред.*

И для Карамзина новая политико-государственная культура является опасностью. В чем заключается его главный тезис? Если мы хотим построить республику, где целью будет общее благо и самореализация человека, то реальность должны определять не нейтральные институты, а субъекты, люди. Карамзин видит опасность превращения государства — а он уже мыслит через государство — в бюрократическую машину, где люди окажутся просто винтиками. Эта машина начинает работать безличным, нейтральным образом. Исчезает субъектность, свойственная прежней аристократической культуре, ориентированной на классические античные образцы. И, в конечном счете, как мне кажется, та опасность, которую Карамзин предчувствует, позже реализуется в фигуре Акакия Акакиевича — примере человека, который считает высшим долгом педантичное исполнение бюрократической функции в своем департаменте или присутствии. Он бесконечно ей предан. В каком-то смысле он является символом новой культуры, появившейся в николаевскую эпоху, в которой государство становится высшей мистической сущностью: все должны ей служить — каждый на своем месте. Такой способ мысли будет набирать в русской культуре все больший и больший вес, будет становиться все авторитетнее в силу ряда исторических обстоятельств.

Необходимость служить мистическому целому на любом посту и видеть высший долг в том, чтобы исполнять свои служебные обязанности с максимально возможной отдачей, — такое представление, такой способ мыслить во многом и приведет к катастрофам.

Я думаю, это одно из самых трагических явлений и в истории русской мысли, и в нашей политической истории. Необходимость служить мистическому целому на любом посту и видеть высший долг в том, чтобы исполнять свои служебные обязанности с максимально возможной отдачей, — такое представление, такой способ мыслить во многом и приведет к катастрофам. В какой-то момент российское государство начинает состоять из Акакий Акакиевичей разного масштаба — от совсем маленьких до совсем больших, на высших государственных постах. Этот мир Акакиев Акакиевичей, если поискать аналогии в других культурах, можно сопоставить с тем, о чем пишет Ханна Арендт в «Банальности зла». Тут возникает тема банальности зла в русской культуре. Я говорю об этом в фор-

ме гипотезы, но мне кажется, что эта перспектива позволяет обнаружить одну из причин трагических поворотов в русской истории и культуре.

И.К.: Спасибо большое за эти важные уточнения.

Давайте теперь вернемся к советской и социалистической гувернаментальностям. Вопрос действительно сложный. На доктринальном уровне со времен «Критики Готской программы» считалось, что социализм — это не отдельная формация, а переход к коммунизму. При коммунизме же управлять людьми нет никакой надобности, нам останется только управление вещами. Но гувернаментальность, как здесь уже неоднократно говорилось, — это направление именно человеческого поведения.

Но еще есть то, что называется «реальным социализмом»: в разных странах социалистического блока практиковались свои специфические варианты управления. Игорь Стась упоминал концептуализацию югославского самоуправления в качестве гувернаментальной технологии социализма. Джоанна Бокман в книге «Рынки во имя социализма» пишет не только о Югославии, но и о «гуляш-коммунизме» в Венгрии[22]. Существует довольно большая литература об экономико-управленческих экспериментах в СССР. В общем, странные, идеологически «незаконные» переплетения конкретных практик, однозначно неопределяемых в терминах формационного противостояния капитализм *vs* социализм, уже активно изучаются, и результаты исследований существенно усложняют картину.

Галина, что вы думаете о советской гувернаментальности — тем более, что вас как исследователя интересуют как раз не столько спекулятивные построения, сколько практически работающие гувернаментальные техники?

Галина Анатольевна Орлова (р. 1974) — социальный исследователь, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Галина Орлова: Спасибо, Игорь. Я бы остановилась на двух моментах — технологиях и институтах в их связи с расширением области (у)правления и ее спецификацией. И, быть может, здесь получится ухватить советскую, а то и социалистическую специфику гувернаментализации.

Я благодарна Виктору Каплуну за показательный пример с Акакием Акакиевичем, включение которого в рефлексию о русской бюрократии позволяет оттенить неполноту видимости «мелочей канцелярских»[23], положенных в основу более

22 См.: Bockman J. *Markets in the Name of Socialism: The Left-Wing Origins of Neoliberalism*. Stanford, 2011.

23 Степень этой неразличимости для истории и антропологии управления стала одним из моих удивлений еще во времена работы над диссертацией, см.: Орлова Г. *Бюрократическое письмо как механизм господства* // Полис. 1999. № 5. С. 76–82; Она же. *Изобретая документ: бумажная траектория российской канцелярии // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство* / Под ред. И. Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 19–52.

рациональной формы администрирования (против чего, собственно, и выступал Карамзин[24]). И если антропология бюрократии уже сделала бумажные практики управляющего документирования видимыми и интересными для исследования[25], то сложные ансамбли управленческих тактик и процедур, обеспечивающих качественно новое согласование людей и вещей в социальных мирах модерности — то самое преобладание (у)правления над суверенитетом и дисциплинами, — могут быть описаны в своем своеобразии через гувернаментальность.

Отказ Фуко оперировать готовыми объектами и его стремление выявлять отношения власти не только за отдельным институтом, но и за государством, «чтобы проанализировать их с точки зрения технологий» и вывести «из подчинения объекту, чтобы переместить в пространство образования полей, областей и объектов знания»[26], и полвека спустя вдохновляет, сохраняя эмансипаторный потенциал и эвристический импульс. Однако для меня он означает готовность действовать за пределами четко очерченной триады гувернаментальности и без редукции ее к заранее известному репертуару технологий. В случае, когда речь идет об анализе других модерностей, распаковка «черных ящиков» (у)правления и переход уровнем, а то и двумя ниже — к изучению переплетения управленческих практик, — как кажется, приобретает критическую значимость, поскольку становится условием видимости управленческого разнообразия[27].

Что можно увидеть, спускаясь, в советских управленческих мирах? Продуктивность несовпадения. Выступая в 1961 году на Всесоюзном совещании научных работников в Кремле, директор Института ядерной энергии, академик Анатолий Александров, заявлял, что «быстрое развитие отрасли», где ему посчастливилось работать, обеспечила «строгая координация»[28]. Разработку ядерного оружия легко вписать в периметр поновому понимаемой безопасности[29], а в изменении масштаба реализации крупных научно-технических программ, которое

24 Карамзин Н.М. *Слезы катятся при мысли о бедствиях России* // Источник. 1998. № 1. С. 3–31.

25 Hull M. *Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan*. Oakland, 2012; Verdery K. *Secrets and Truth. Ethnography in the Archive of Romania's Secret Police*. Budapest, 2014; Hull M., Nellen S., Rohringer Th. *Towards a History of Files* // Administory. 2020. Vol. 4. № 1. P. 3–9.

26 Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука, 2011. С. 175.

27 Скажем, из этой перспективы конфликт бюрократии и интеллигенции в России выглядит конкуренцией за право авторитетного и управленческого использования письменных технологий в литературоцентричном обществе. См.: Шкуратов В. *Интеллигенция в проекте современности* // Логос. 2005. № 6. С. 243–252.

28 Российский государственный архив экономики. Ф. 9480. Оп. 7. Ед. 21. Л. 79–84.

29 Об изобретении и трансфере режимности, обеспечивающей безопасность на первых ядерных объектах, см.: Brown K. *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

сопровождалось мобилизацией и перемещением десятков тысяч людей, решение этой задачи обеспечивающих, различить практики управления населением[30]. Но, если ограничиться «закрытым списком» приоритетов и технологий гувернаментальности, можно не увидеть координацию — недирективную технологию управления сложными объектами и множествами через рефигурацию их связности в ситуации высокой неопределенности, на которую делается управленческая ставка в советском обществе после Сталина[31].

В начале 1960-х центральный орган, ответственный за выработку научно-технической политики в СССР, становится Госкомитетом по координации научно-исследовательской деятельности, по стране путешествуют экспертные команды отладчиков координации, а головные институты переосмысливаются в качестве очагов координации, которая предполагает и более плоский формат, и этос взаимодействия. Этот — по сути, гувернаментальный — сдвиг, в котором советские техники,

Если антропология бюрократии уже сделала бумажные практики управляющего документирования видимыми, то сложные ансамбли управленческих тактик и процедур, обеспечивающих качественно новое согласование людей и вещей в социальных мирах модерности, могут быть описаны через гувернаментальность.

ситуации и моральные порядки управления раскрываются в конкретно-исторической специфичности, и его судьба остаются в значительной степени нераспознанными не только в силу доктринерской трактовки гувернаментальности. Однако ее нераспакованность сильно ухудшает и без того слабую эпистемологическую видимость тактических форм осуществления управленческой власти в (позднем) СССР. Без внимания к ансамблям и динамическим конфигурациям управленческих тактик и их концептуализаций, как мне представляется, едва ли удастся привести гувернаментальность в контекстуально ответственное аналитическое действие.

30 Во внимание принимается управление если и не населением, то кадрами. См.: Мельникова Н. *Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения*. М.: РОССПЭН, 2022.

31 Оттепельным метаморфозам координации в советской научно-технической политике посвящен тематический блок статей «Машины координации: управление наукой и техникой при позднем социализме», который мы с Романом Абрамовым, Алексеем Сафроновым, Еленой Кочетковой, Алексеем Поповым и Михаилом Зимиревым подготовили для «Социологии науки и технологий» (2023. № 1. С. 24–134).

Если мой первый тезис был о технологиях, то второй касается институтов. Несколько лет назад мы с коллегами затевали проект о пси-социализме, затрагивающий специфику психополитик и диффузию морального руководства в позднем СССР. В этом ключе выдержана диссертация Михаила Кулагина о борьбе с одиночеством и рождении советской службы знакомств. Специфику руководства поведением и психологическим состоянием советского человека — технологии, в той или иной степени соотносимой с пастырской властью, — Михаил обнаруживает в институциональной оснастке психополитик. В условиях, когда психологические инстанции, поддерживающие существование индивида в мирах поздней современности, ослаблены, замещены или отсутствуют, а запрос на использование психологических технологий и психологизацию

Без внимания к ансамблям и динамическим конфигурациям управленческих тактик и их концептуализаций едва ли удастся привести гувернаментальность в контекстуально ответственное аналитическое действие.

формируется снизу, газета и дом быта выступают в качестве институциональных ниш, где выращивание советизированных форм управления знакомствами или размещение служб семьи становится возможно. В конце 1960-х «Литературная газета» с помощью своих читателей распознает в одиночестве социальную проблему, запускает процесс ее психологизации и рекрутирует экспертов[32]. Реакция партии и правительства, их переключение на новый язык и новые тактики управления жизнью и деятельностью советского человека через достижение частного счастья и благополучия сильно запаздывает. А сам случай позволяет наблюдать и фиксировать тот самый выход за пределы государства в изучении технологий и тактик управления, о необходимости которого писал Фуко.

Подводя итог: если мой первый тезис был про технологии, невидимость, локализацию и социалистические спецификации, то второй — про институты, институциональные лакуны, ниши, компенсации, протезы разного рода. Развернув разговор о гувернаментальности от государства, центральных ведомств к более широким группам, публикам, (не)оформленным экспертным сообществам, мы начинаем видеть (поздне)советское

32 См.: Кулагин М.С. *Изобретение одиночества в позднем СССР: к истории одной дискуссии* // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 4(67). С. 183–195.

(у)правление в его специфике и попытках адаптироваться к вызовам поздней модерности, и кое-что проясняется.

И.С.: Галина, большое спасибо! Я в целом согласен с вами, но вижу два аспекта, которые стоит обсудить.

Первое: когда вы говорите о технологиях и институтах и приводите примеры — в частности, процедуры стандартизации, — вы так или иначе вновь возвращаетесь к государству. Гувернаментальность становится равнозначна биополитике, причем в модусе «политики населения» в духе Зигмунта Баумана или Питера Холквиста[33]. А ведь политика населения — это политика абсолютно государственная. Я думаю, что нужно более четко разделять гувернаментальность и биополитику.

И второе: я все же слышу у вас отождествление советского и социалистического. Но это не одно и то же. Я предполагаю, что советские практики — это практики гувернаментализации советского государства. Как говорил Виктор, это когда догосударственные практики внедряются в государство и рационализируются в качестве государственных интересов. Здесь нет ничего социалистического. Технологии и институты, о которых вы говорите, скорее советские, чем социалистические. Я же призываю к поискам в СССР социалистических форм управления, которые рефлексивно определяют себя в качестве таковых.

Г.О.: Если отвечать коротко, то советское не совпадает с социалистическим, но область пересечения у них есть. Александра Коллонтай видела в координации «новый прицел», появляющийся с переходом к «царству внеклассовой солидарности»[34], Януш Корнаи определял социалистическую систему в политэкономическом ключе через координацию, которую обеспечивает тотальная бюрократия[35], но для того, чтобы ухватить специфику ансамблей координации в оттепельном СССР, политэкономическую оптику хорошо бы дополнять прагматикой и антропологией власти, а социалистическую доктрину — позднесоветскими управленческими стилями ее реализации.

Что касается биополитики, то в широком диапазоне случаев — от психологизированного управления бригадами коммунистического труда до технократических поисков инструментов для выявления совместимости и обеспечения счастливых (то есть непротиворечивых и взаимодополнительных)

33 См.: Бауман З. *Актуальность Холокоста*. М.: Европа, 2010; Холквист П. *Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 83–101.

34 Коллонтай А.М. *Дипломатические дневники*. М.: Academia, 2001. Т. 1. С. 233.

35 Корнаи Я. *Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма*. М.: Вопросы экономики, 2000, С. 117, 123.

взаимодействий в соционике, изобретенной Аушром Аугустинавичюте, экономистом из Вильнюса, в 1970-е, — она демонстрирует свою недостаточность. В пору говорить о психополитиках, принадлежащих порядку гувернаментальности. Речь идет об управлении множествами в сложных обстоятельствах, которые требуют операционализации, индивидуализации и рефлексии по поводу избираемых тактик управления. Была ли эта рефлексия в СССР? Была. Но тут у нас еще много работы. Спасибо!

В.К.: Я бы хотел откликнуться на несколько реплик.

Вначале на реплику Александра Писарева о том, что термин «гувернаментальность» предполагает холизм. Тут я согласен и согласился бы с тем, как это сформулировала сейчас Галина. Речь идет об ансамблях практик и формах рационализации, которые предполагают определенные формы знания, в том числе знания о человеческих отношениях, о человеке вообще, о том, что считается природой человека в данной культуре. Формы отношений власти и нормативности, предписывающие «правильные» формы поведения (хотя всегда есть люфт между формальными правилами и реальным поведением), предполагают и соответствующие типы субъективности акторов, и специфические практики субъективации, характерные для данной культуры, для данного гувернаментального ансамбля. Да, это холистический ансамбль. Другое дело, что эти формы и типы — или даже целые ансамбли, своего рода парадигмы управления, — могут накладываться друг на друга в определенные периоды исторического времени и в определенных сообществах — особенно в XX веке и, в частности, в СССР — вплетаться друг в друга, сложным образом пересекаться. И тут действительно имело бы смысл попытаться их вычленить на уровне конкретных повседневных практик или практик технологических, про которые говорила Галина.

Теперь о социалистической гувернаментальности. Здесь стоило бы предложить другую формулировку вопроса, что Фуко и делает. Стоит задаться вопросом не о том, была ли социалистическая гувернаментальность, а о том, что называли социалистической гувернаментальностью, практикуя те или иные вещи и считая это социалистической гувернаментальностью. То есть исходить не из некого провозглашаемого идеала, а из конкретной реальности, обозначаемой именем «социализм». И тут действительно обнаружатся разные ансамбли практик и их рационализации. 1920-е, потом сталинские 1930-е, далее (если не брать военных и послевоенных лет) «оттепель» — специфическая культура, бурлящая магма новых возможностей, которые пресекаются, к сожалению, —

затем брежневское время. Это совсем разные миры, хотя какая-то генеалогическая линия преемственности между ними есть.

Что называется социалистической гувернаментальностью? Важно посмотреть, что и как называли в реальности. И Фуко говорит: «Реальность (реальные практики), которую называли словом “социализм”, не обладает никакой особой спецификой». То, что называли социалистической гувернаментальностью, представляет собой сочетание разновременных гувернаментальностей, которые уже есть: элементы пастырской гувернаментальности, элементы неолиберальной и так далее. А что он имеет в виду, когда говорит, что в действительности социалистической гувернаментальности не существует — что пока ее не удалось создать? Это значит, что не удалось создать новый тип ансамбля — новый ансамбль форм знания, форм управления, типов нормативности и субъективации. Не удалось создать, если позволить себе выразиться несколько высокопарно, другого способа быть человеком, другой формы субъективности — свободной субъективности.

Все прежние нововременны́е формы гувернаментальности, апеллируя к «подлинной» человеческой природе или к традиционным ценностям, лишают субъективность свободы, атомизируют и стандартизируют людей, объединяя их затем в новые тотализирующие ансамбли. Не удалось изобрести и создать такой гувернаментальности, которая позволила бы участникам общей для них коллективной жизни выстраивать каждому свою субъективность по модели того, что Фуко называл «эстетикой существования». То есть такой гувернаментальности, в рамках которой человек среди прочего в своих действиях руководствуется целью превратить себя, свою жизнь, свою субъективность в произведение, достойное остаться в памяти. «Эстетика существования» — это понятие отсылает к практикам, предполагающим возможность творить себя на некоей арене совместности, или «*со*общительности», как сказал бы Кант. Фуко часто обвиняют (по крайней мере догматические «левые» теоретики) в том, что он в своих поздних работах якобы отказался от левых идей и превратился в апологета сугубо индивидуалистической морали и что он в этом смыкается с неолиберальной мыслью. Но Фуко, даже когда он анализирует практики «заботы о себе», всегда рассматривает их как разделяемые внутри сообщества и имеющие публичную значимость и всегда при этом апеллирует к разделяемому участниками данной культуры пространству сообщности или совместности, иными словами, к «реальности» — которая, впрочем, может коллективным усилием быть изменена. И индивидуальное самосовершенствование (как разделяемая практика) — одно из условий возможности этого изменения и прихода нового.

Так вот, такой тип гувернаментальности, который напоминал бы «заботу о себе» в классической античности (описанную Фуко в последних томах «Истории сексуальности» и, в частности, в «Использовании удовольствий»[36]) — с ее политикой, экономикой, этикой, эротикой, философскими упражнениями и так далее, — но который был бы возможен в нашу эпоху, в наших институциональных условиях и сочетался бы с гуманистическими идеалами социализма, так и не был найден. Хотя апелляции к классической античности в наших культурах (и в социалистической мысли) постоянно присутствуют. И в этом заключается упрек Фуко социализму.

Нововременны*е* формы гувернаментальности, апеллируя к «подлинной» человеческой природе или к традиционным ценностям, лишают субъективность свободы, атомизируют и стандартизируют людей, объединяя их затем в новые тотализирующие ансамбли.

И последняя реплика по поводу российской культурной традиции и ее преемственности в советское время. Я бы не сказал, что мы, как носители этой традиции, обречены нашей историей на то, чтобы неизбежно мыслить себя через государство и быть Акакиями Акакиевичами. Нет. В XVIII веке, когда рождается российский модерн, мы видим конкуренцию разных культурных форм, разных гувернаментальностей. Так, мы видим здесь попытки адаптировать в России *Polizeiwissenschaft* и практики полицейского управления, основанные на принципе *raison d'Etat*, видим также рождение элементов либеральной гувернаментальности, но в то же время видим и появление практик и способов мыслить, характерных для самоуправляющихся модерновых сообществ, с апелляцией к практикам себя и политическим формам, характерным для классической античности. Эти процессы в России являются частью идущих в этот период общеевропейских культурных процессов.

Во второй половине XVIII века в русской культуре интенсивно развиваются оригинальные элементы общеевропейского проекта Просвещения, рождается публичная сфера. А вместе с ней рождаются и практики публичной самореализации через явление себя на арене мира, если говорить возвышенным языком Ханны Арендт. Можно сказать, что в этот период в русской

36 См.: Фуко М. *История сексуальности 2. Использование удовольствий* / Перев. с фр. В. Каплуна. М.: Ад Маргинем Пресс, 2026.

культуре появляется арендтовская форма публичности и одновременно — соответствующий тип субъективности. Мы находим его в текстах российской образованной публики времен Екатерины II и Александра I. Эта культура параллельна культуре административной гувернаментальности — и часто конкурирует с ней. Отсюда и спор между Карамзиным и Сперанским, о котором я уже упоминал. Если спуститься на уровень ниже, как предлагает Галина, мы обнаружим там, кроме прочего, мир придворного общества с его практиками и, в частности, придворными интригами, в которые оказываются вовлечены Карамзин со Сперанским, — но это другая история.

Конкуренцию разных гувернаментальных парадигм, где каждая на протяжении российской истории временами отодвигается в тень, но не уходит окончательно, а дождавшись своего часа, вновь появляется на поверхности культуры, можно обнаружить не только в XVIII–XIX веках, но и позже — в советское время. Как это происходило в 1960-е, когда вдруг, казалось бы, из совершеннейшей культурной пустыни (в отношении свободной публичности прежде всего) рождается богатейшая, динамичная и невероятно энергетичная культура. Все эти споры физиков и лириков; огромные стадионы бесконечно заинтересованной публики, которые собирают поэты; публичные дебаты, в которых, как людям кажется, они мыслью и научным знанием могут решать свою судьбу и судьбу мира здесь и сейчас, на этой арене. И формируют в этих дебатах себя как творцов — одновременно и мира, и самих себя.

Эта публичность вновь заявляет о себе в перестройку — вместе с новым воздухом свободы — и затем уже в 1990-х и в начале 2000-х, когда этот воздух свободы станет важным культурным фактором, несмотря на экономические трудности и социальную аномию. Эта новая-старая гувернаментальность в итоге проиграет тому, что можно назвать «силовой гувернаментальностью», но на уровне бэкграунда важные элементы конкурирующих друг с другом гувернаментальностей по-прежнему присутствуют и будут присутствовать в русской культуре.

А.П.: Я хотел бы кратко пояснить, из какой перспективы я заинтересован в подходе гувернаментальности в целом. Мне интересен чисто философский аспект проблематики. Я занимался темой конечности начиная с ее исходной формы в «Критике чистого разума» Канта (или, точнее, прочитанного Хайдеггером Канта) — через самого Хайдеггера и совершенную им онтологизацию конечности — к Фуко «Слов и вещей». В этой книге Фуко связывает конечность с модерной эпистемой: то, что мы называем человеком, формируется в области научного знания и опыта. После археологического периода Фуко

соединил в своей предметности знание о человеке с властными механизмами реализации этого знания, продолжив, на мой взгляд, двигаться в границах проблематики конечности. Поэтому для меня из всех аспектов гувернаментальности ближе всего вопрос об управленческом производстве или исполнении субъекта. Это проблематика этики и ее структуры (по крайней мере в том виде, в каком мы можем обнаружить ее в «Истории сексуальности»), техник управления, которые позволяют предлагаемые модели субъектов исполнять, и множественности этих моделей. Тут для меня важной является фраза Пола Рабиноу о том, что человек — это существо, которое страдает от обилия дискурсов о себе. Учитывая это, гувернаментальность мне интересна не только историческим разнообразием ее конкретных типов — алгоритмическая, кибернетическая, либеральная и так далее, — но и тем, что она позволяет понять, как знания используются в процессах субъективации. Словом, как конечность познания смыкается с конечностью существования. Я ищу эту смычку между «Словами и вещами», тем, как там понимается модерная эпистема, и более поздними работами Фуко о практиках субъективации. Гувернаментальный подход хорош тем, что здесь позволяет что-то прояснить и понять, прорабатывая философскую проблематику с опорой на эмпирический материал. Спасибо.

И.К.: Серьезный разговор о гувернаментальности только начинается, и я надеюсь, что мы к нему еще не раз вернемся. Всем огромное спасибо за участие!

Июнь 2026 года

Подготовка к публикации Светланы Липатовой